Выпускъ I.

Нашъ Міръ

Содержаніе:

Отъ Редакціи.

Изъ Заброшенной Тетради.
Н. Г. Лапицкій.

Письмо къ сестрѣ. И. Прилѣпскій.

Человѣкъ съ порошкомъ.
Г. Бергстэдтъ.

Дебютъ контролера спальныхъ вагоновъ. Л. Княжичъ.

Царь не умеръ. Романъ.

Какъ жена задумала измѣнить своему мужу и что изъ этого вышло. Н. Г. Лапицкій.

Нью—Іоркъ. Е. Ларіоновъ.

Геликоптеръ. К. Т.

С. Пауло.

1928.

Виды Колоніи БАЛИЗЫ

Превосходная земля для всякихъ культуръ.
Продажа въ разсрочку съ небольшимъ задаткомъ.

Томаты въ ростъ человѣка.

Av. São João 85-A 1. andar Sala 11.
S. Paulo.

Выпускъ **1.**

„НАШЪ МІРЪ.“

САНЪ ПАУЛО,
Бразилія,
1928 г.

„NACH MIR"

Directores: N. DACHOFF
S. USPENSKY

Av S. João 85-A 1 andar, sala 11.
São Paulo.

Изданіе
„Русской Газеты".

Отъ редакціи.

Узкія рамки еженедѣльной газеты, большое количество газетнаго матеріала - хроника міровыхъ событій и объявленія, не оставляютъ мѣста въ „Русской Газетѣ“ для чисто литературнаго отдѣла. Между тѣмъ, уже не мало писемъ съ просьбой ввести таковой отдѣлъ получено газетой. Выполняя эти пожеланія „Русская Газета“ рѣшила издавать періодическое изданіе „Нашъ Міръ“, первый выпускъ котораго мы предлагаемъ нашимъ читателямъ. „Нашъ Міръ“ не журналъ. Это -- зародышъ будущаго журнала, если ему суждено вырасти и существовать въ Санъ Пауло.

Если „Нашъ Міръ“ будетъ также благосклонно встрѣченъ русской колоніей, какъ была встрѣчена „Русская Газета“, сможемъ увеличить ея размѣръ и установить регулярный выходъ „Нашаго Міра“ въ свѣтъ.

Сейчасъ мы даже не назначаемъ срокъ дня выхода слѣдующихъ номеровъ, - разойдется первый номеръ, - выпустимъ второй. Даже подписку, какъ и въ первое время на газету, мы принимаемъ только на три номера.

Программа. - Программа проста, - дать немножко занимательнаго чтенія, равно интереснаго какъ для взрослыхъ, такъ и для юношества. Какъ и въ газетѣ, на первомъ планѣ мы поставили три пункта: Россія, Бразилія и Русскіе въ Бразиліи.

Идея изданія встрѣтила живой откликъ среди нашихъ друзей, къ которымъ мы обратились съ просьбой о сотрудничествѣ. Матеріалу набралось сразу такъ много, что пришлось, нѣсколько измѣнить предполагавшійся составъ перваго выпуска и оставить нѣкоторыя вещи до слѣдующихъ номеровъ. Въ этомъ номерѣ мы можемъ похвалиться шуточной пьесой Н. Г. Лапицкаго, привезшаго еще изъ Россіи писательское имя, театральныя воспоминанія нашего стараго друга Л. А. Княжича, пріѣхавшими изъ Рибейронъ Прето воспоминаніями о Нью - Іоркѣ Е. Ларіонова и небольшимъ популярнымъ очеркомъ о геликоптерѣ.

Изъ переводныхъ произведеній мы дали сегодня мѣсто фантастическому разсказу „Человѣкъ съ порошкомъ“ и первой главѣ сокращеннаго перевода романа „Царь не умеръ“, для котораго почти уже не осталось мѣста. Что касается до стихотвореній помѣщенныхъ въ этомъ номерѣ, редакція была бы счастлива имѣть каждый разъ въ своемъ распоряженіи, такъ изящно и четко отдѣланныя строки пессимиста Лапицкаго, и полныя любви къ родинѣ надежды на будущее, пасковыя и сердечныя строчки Прилѣпскаго,

Если читатель, купившій первую книжку „Нашего Міра“ не броситъ ее послѣ первыхъ десяти страницъ въ уголъ и не пожалѣетъ, что истартилъ мильрейсъ, редакція будетъ совершенно довольна достигнутымъ результатомъ.

Изъ заброшенной тетради.

Буря.

Грозно нахмурились тучи.
Море бурливо шумитъ,
Чайка - предвѣстница бури
Рѣзко протяжно кричитъ.

- - -

Вѣтеръ порывисто дуетъ
И на берегъ гонитъ валы,
Море сильнѣе бушуетъ:
Парусъ мелькаетъ вдали.

Къ берегу бѣгъ направляя
Быстро несется ладья.
Съ бурею словно играя,
Въ волнахъ ныряетъ она.

- - -

Но вотъ разразилася буря
Вѣтеръ свирѣпо завылъ...
Къ берегу вѣтромъ гонимый
Челнъ опрокинутый плылъ.

Любовь.

Любовь - капризное дитя!
Своей рученкой шаловливой
Коснется только васъ шутя
Какъ страстью прихотливой
Затмится умъ, взволнуется душа,
И счастья дивнаго волна
Къ вамъ на сердце вольется...
Но не довѣряйтесь ей вполнѣ:
Она капризна, своевольна.
Сегодня манитъ васъ къ себѣ,
А завтра скажетъ вамъ: довольно!

Я въ жизни искалъ идеала,
Къ нему я стремился душой,
И сердце во мнѣ трепетало
И билось надеждой живой...

Но годы прошли чередою,
И сердце замолкло во мнѣ,
И полно теперь лишь тоскою
И нѣтъ идеала въ душѣ!

Н. Г. Лапицкій.

Письмо къ сестрѣ.

Съ благодарностью мы получили,
Тотъ цвѣточекъ что посланъ тобой;
И съ любовью его раздѣлили
Какъ бы памятку между собой.

Сколько радости было при этомъ!
Неподдѣльной, у взрослыхъ людей.
Той, присущей, сестренка, лишь дѣтямъ,
Въ часы ласки своихъ матерей.

Ты - ли? Въ вѣсточкѣ - съ почеркомъ милымъ
Рѣчи непринужденной, простой,
Намъ, судьбою по свѣту гонимымъ,
Молвишь: братцы! Пора бы домой!

Что желанными будемъ въ станицѣ,
Добрымъ словомъ бы встрѣтили насъ!
Можетъ быть... Мы вернемся сестрица,
Лишь пробьетъ возвращенія часъ.

Но пока неизбѣжно терпѣнье,
Бытія, неподкупный законъ:
Бѣдной мамѣ, отъ насъ въ утѣшенье
Передай нашъ сыновій поклонъ.

И скажи ей, что здѣсь мы свободны,
Жизнь ведемъ въ кругу нашихъ друзей.
Не забыли донскія мы волны,
И о Родинѣ помнимъ своей.

Парижъ.

27 Марта 1928 года. И. Прилѣпскій.

ЧЕЛОВѢКЪ съ ПОРОШКОМЪ.

Фантастическій разсказъ.
Гаральда Бергстэдта.

I.

Я хорошо его помню.

Миніатюрнаго человѣчка аристократической внѣшности, для котораго все и вся были какъ бы пустымъ пространствомъ; сухонькаго и вылощеннаго, съ глазами за стеклами пенснэ, съ пенснэ въ облакахъ сигарнаго дыма.

Онъ былъ курортный гость въ самомъ разгарѣ сезона, а я - скромный репетиторъ въ мѣстечкѣ.

Самъ не знаю по какому поводу и, кто его знаетъ, съ какою цѣлью, но это онъ завязалъ знакомство, протянулъ мнѣ однажды на улицѣ - осторожно - руку. Я, какъ сейчасъ, вижу эту гладенькую ручку, такую хрупкую, изящную въ моей неуклюжей плебейской лапищѣ.

II.

Мы стали сосѣдями.

Я снималъ въ боковой улицѣ мансарду у вдовы булочника, владѣлицы четырехъ котовъ.

Онъ переѣхалъ изъ отеля ко вдовѣ сапожника, какъ разъ напротивъ.

У него было свое хозяйство, и необыкновенное, что то вродѣ лабораторіи, а это не всякому квартирному хозяину по вкусу. Иногда онъ выходилъ на солнцѣ, въ длинномъ бѣломъ халатѣ, мыть и прополаскивать свои колбы и реторты, съ самымъ свирѣпымъ видомъ.

Надъ чѣмъ онъ работалъ?.. Кто его знаетъ. Въ отелѣ онъ

былъ записанъ графомъ и профессоромъ. Три - четыре дня подрядъ мы съ вдовой булочника наблюдали, какъ онъ возвращался домой въ сопровожденіи мальчика изъ мясной лавки, тащившаго за нимъ огромные куски говядины или баранины.

Моя невѣста, больничная сидѣлка, разсказывала, что главный врачъ считалъ его хирургомъ, который практикуется на кускахъ мяса.

Разъ я видѣлъ, какъ двѣ важныя барыни аттаковали его разспросами. Но онъ только улыбался - безукоризненно любезною улыбкою свѣтскаго человѣка - и качалъ головой.

Послѣдніе дни онъ сталъ подманивать къ себѣ молокомъ бездомныхъ кошекъ.

- Какой то зловѣщій у него видъ, - заявила моя вдовушка; у нея, видно, сердце защемило отъ страха за своихъ четырехъ кисокъ.

III.

Онъ надѣлъ свой длинный бѣлый халатъ и провелъ меня въ заднюю комнату.

- Вотъ здѣсь моя мастерская, гдѣ я работаю...

Я ожидалъ увидѣть ножи, ведра крови, полотенца въ кровавыхъ пятнахъ, а передо мною сверкали стекломъ сотни колбъ, пробирокъ и ретортъ, банки и бутылочки со всевозможными жидкостями и кислотами. На одномъ блюдѣ лежалъ огромный ростбифъ, а на столѣ возлѣ, на свинцовой бумажкѣ, щепотка ярко-синяго порошку; въ воздухѣ странно пахло чѣмъ то въ родѣ геліотропа.

- Вы алхимикъ? - спросилъ я.

- Былъ... работалъ надъ „облагороженіемъ" металловъ. Но мои опыты завели меня на новые пути, и въ одинъ прекрасный день я самъ себя озадачилъ однимъ открытіемъ, о которомъ мои счастливые современники еще ничего не вѣдаютъ.

Одъ усмѣхаясь потеръ руки.

- Вотъ какъ. - Что же вы открыли? - спросилъ я.

- Увы, старую истину, что всякая плоть бренна, да еще въ большей степени, чѣмъ воображаетъ нашъ самоувѣренный родъ людской.

Онъ указалъ порошокъ. Я было хотѣлъ потрогать его кончикомъ мизинца, но графъ съ быстротой молніи оттолкнулъ мою руку.

- Съ ума вы сошли!.. Да, стоило бы дать вамъ дотронуться ... захихикалъ онъ, поглядывая на меня. - Что, однако, за странное, необъяснимое чувство - симпатія - продолжалъ онъ. - Никогда до сихъ поръ не имѣлъ я друга, повѣренного; я едва знаю ваше имя и тѣмъ не менѣе готовлюсь сейчасъ посвятить васъ въ самую замѣча-

тельную тайну. Странно, не правда ли?.. Пожалуй, это величайшая загадка бытія. - Ну, а теперь глядите во всѣ глаза дружокъ!

Онъ почти торжественно засучилъ рукава, согнулъ бумажку съ порошкомъ, быстрымъ движеніемъ высыпалъ содержимое на свѣжій, сочный ростбифъ... и тутъ произошло нѣчто неописуемое.

Я только что успѣлъ схватить глазомъ лазоревую щепотку порошка на багровомъ фонѣ говядины, какъ въ ту же секунду на мѣстѣ мяса закипѣлъ какой то водоворотъ, закрутился миніатюрный смерчъ... и мясо исчезло, на тарелкѣ осталась лишь сѣрая пыль, прахъ укладывавшійся холмикомъ и распространявшій вокругъ запахъ геліотропа, столь сильный, что у меня сдѣлалось сердцебіеніе.

- Съ этимъ покончено, - съ тихимъ клокочущимъ смѣшкомъ проговорилъ онъ.

- Не правда ли, своеобразный взрывъ? - спросилъ онъ. - Безшумный, всеразрушающій, катастрофическій для всякой живой ткани - поскольку и кусокъ сырого бычачьяго мяса можно назвать живымъ. Слѣдовало бы, конечно, продѣлать опытъ надъ живымъ быкомъ. Какъ вы думаете, не пойти ли намъ вечеркомъ въ поле, высыпать пакетикъ порошку на одну изъ коровъ арендатора?

Признаюсь, я возмутился, запротестовалъ.

- Ну, полно, - возразилъ онъ. - Изъ праха взятый въ прахъ и обратится; арендаторъ зналъ это, когда покупалъ ихъ; кромѣ того, у него ихъ не одна, а цѣлыхъ пятнадцать.

Представьте! Онъ успѣлъ пересчитать стадо.

- Неужели вы дѣйствительно?

- Всенепремѣнно. Самаго огромнаго быка мы заставимъ исчезнуть, какъ мыльный пузырь... Никому и въ голову не придетъ, куда дѣвался быкъ, разъ никто не увидитъ, какъ это случилось... Стало быть экспериментъ вполнѣ безопасенъ. - Что? Если явится нечаянный свидѣтель, напримѣръ, - самъ арендаторъ... Что жъ, намъ стоитъ только посыпать и его порошкомъ, чтобы избавиться отъ него навсегда, и... этого добраго человѣка избавить отъ всѣхъ земныхъ горестей.

- Увы вздохнулъ онъ, будь у насъ подъ рукой хоть кошка!

- Живая? - испуганно воскликнулъ я. Теперь то я понялъ, съ какой цѣлью онъ заманивалъ кошекъ молокомъ. Четыре жирныхъ кота моей вдовушки серьезно рисковали попасть въ бѣду.

- Да какъ ихъ поймаешь, этихъ проворныхъ бестій! Они, пожалуй, симпатическимъ путемъ чуютъ, что ихъ собираются „пульверизовать", а имъ это вовсе не улыбается. Вотъ если бы мадамъ Меллеръ добыла намъ хоть одну... Эй, мадамъ Меллеръ!

Вошла мадамъ Меллеръ, придурковатая неряха, тугоухая разиня, кофейница, съ большими очками на носу.

- Достаньте намъ кошку! отрывисто приказалъ онъ.

- Плошку? Плошку? - переспросила она и принялась шарить на этажеркѣ такъ, что полки затряслись, слетѣла на полъ га-

зета и цѣлая коробочка порошку опрокинулась бабѣ прямо на голову.

Я разслышалъ крикъ вскочившаго профессора... Увидѣлъ голубыя пятна и полоски порошку на бѣлой кожѣ головы подъ черными волосами... А потомъ сѣроватый смерчъ взвился съ пола къ потолку и осѣлъ небольшой кучкой праха, распространяя удушливый запахъ геліотропа, отъ котораго поднимался звонъ въ ушахъ.

- Благодарю, не ожидалъ! - произнесъ онъ - Вотъ тебѣ и мадамъ Меллеръ - взорвалась!...

Сердце мое неистово колотилось въ груди отъ ужаса: погибла вѣдь жизнь человѣческая! А онъ стоялъ себѣ съ улыбочкой и съ видомъ живѣйшаго интереса сказалъ:

- Изумительно, все таки, даже гребенка и та исчезла, и шлепанцы! Понимаете?

- Мама! Мама! - позвала изъ корридора старшая дочка мадамъ Меллеръ. - Мамы у васъ нѣтъ? - простодушно просунула она голову въ дверь.

- Ахъ ты, какая оказія! Пыли то сколько насѣло! Не прійти ли съ метелкой?

- Пожалуйста, - отвѣтилъ онъ.

- Ну, знаете ли!.. - воскликнулъ я. - Вѣдь это ея собственная мать...

- Тише! - шепнулъ онъ, схвативъ меня за руку. - Или и вамъ захотѣлось отправиться тою же дорогой?

Я окаменѣлъ.

Дѣвушка принесла метелку и сорную лопатку, а немного погодя унесла на лопаткѣ собственную мать.

- Скажите сами, что же оставалось намъ дѣлать иначе? - зашепталъ онъ. - Заявить о происшествіи. Разсказать? Кому? Ни одна живая душа въ мірѣ намъ бы не повѣрила. Мадамъ Меллеръ исчезла. Это фактъ.

Онъ сухо, отрывисто засмѣялся. Онъ вѣдь былъ аристократъ, туристъ, курортный гость... А я - всего на всего учитель... Вдобавокъ я былъ знакомъ съ мадамъ Меллеръ давно, въ теченіе многихъ лѣтъ бесѣдовалъ съ нею...

Смерть застигла ее какъ разъ посреди несовсѣмъ грамотно составленной фразы:

- Не можетъ быть, чтобы что могло взять, да какъ будто пропасть словно...

Договорить ей не пришлось, - на нее посыпался порошокъ..

И она исчезла.

IV

Я плохо спалъ въ эту ночь.

Я вѣдь такъ часто слышалъ надъ открытой могилой великолѣпную формулу: „изъ праха взята всякая плоть и въ прахъ обратится", и все таки... увидѣть воочью, какъ живое существо исчезаетъ, разсыпается прахомъ... Это сильно потрясло меня, недавно помолвленнаго молодого человѣка, полнаго силъ, брызжущего здоровьемъ.

Но затѣмъ меня заняла болѣе интересная мысль: что теперь будетъ дѣлать полиція?.. Бѣдная мадамъ Меллеръ, такъ неосторожно провалившаяся въ другой міръ или во всякомъ случаѣ простившаяся со здѣшнимъ!.. Ни одна посторонняя душа въ городкѣ не интересовалась ею, пока она была жива, но ея непостижимое исчезновеніе, несомнѣнно, превратитъ все мѣстечко въ потревоженный муравейникъ.

Чего добраго и меня вызовутъ для дачи показаній. Что же мнѣ тогда говорить?

Посовѣтуюсь завтра съ моей невѣстой, когда она вернется изъ больницы. Что она скажетъ?

V.

Но этого я такъ никогда и не узналъ.

Попытаюсь разсказать о томъ, что случилось... Это вѣдь было уже такъ давно!

Городокъ былъ взволнованъ. Повсюду мелькали полцейскія кэпи съ золотымъ галуномъ.

Возвращаясь вечеромъ домой съ послѣдняго урока, я зашелъ подъ ворота переждать дождикъ, и тутъ со мною заговорилъ нашъ пасторъ:

- Ваша невѣста у васъ?

- А вотъ пойдемте вмѣстѣ и увидимъ.

Въ кухнѣ, на газовой камфоркѣ, шипѣли на сковородкѣ четыре котлетки.

- Дорогая! - весело крикнулъ я, проходя въ комнату, но сразу остановился, какъ вкопанный. Въ носъ мнѣ ударило острымъ запахомъ геліотропа, а посреди комнаты на полу сѣрѣла кучка пыли... такая маленькая... о - о, такая крохотная... подъ стуломъ же блестѣла закатившаяся туда пустая жестяная коробочка, въ которой я принесъ домой щепотку порошку - показать своей невѣстѣ.

- Удивительно, какъ сильно пахнутъ эти геліотропы, - сказалъ пасторъ, но фрекенъ Хэстъ здѣсь не видно...

Съ этими словами онъ ступилъ своими мокрыми сапогами

на маленькую кучку праха... на то, что осталось отъ всей той доброты и преданности, къ которой я былъ такъ привязанъ здѣсь на землѣ.

- Ну, дѣлать нечего, я еще успѣю съ ней повидаться, - сказалъ онъ уходя.

Но я уже не слышалъ его шаговъ. Я упалъ возлѣ этой кучки праха, которая, какъ я отлично понималъ, за пять минутъ до этого говорила, жила, дышала, ждала меня и желала мнѣ только добра.

Я лежалъ на полу, плакалъ, ласкалъ прахъ, припадалъ къ нему щекой, перебиралъ его пальцами... но онъ оставался холоднымъ безжизненнымъ. У меня не осталось въ памяти ни легкаго вздоха, ни вскрика удивленія, который она, можетъ быть, испустила, когда открыла коробочку и... о, нѣтъ, нѣтъ!..

А вонъ тамъ... тамъ, на стулѣ... ея дождевой плащъ, еще мокрый отъ дождя. Смоченный той дождевой тучкой, что оросила ея путь домой...

Въ складкахъ занавѣсей какъ будто притаился ея звонкій смѣхъ... и слышите! - въ кухнѣ еще жарились, шипѣли на огнѣ котлетки... на огнѣ, который она сама зажгла... шипѣли такъ оживленно, какъ будто она невидимкой стояла возлѣ и перевóрачивала ихъ на сковородкѣ...

Я снялъ сковородку съ огня, но не рѣшился потушить газъ. Этотъ огонекъ сталъ для меня какъ бы священнымъ, какъ будто въ немъ теплилась живая душа моей исчезнувшей подруги.

VI.

Двѣ недѣли я проболѣлъ; въ мозгу моемъ пылало безуміе, и я бредилъ порошкомъ и газомъ, газомъ и порошкомъ.

Я позволилъ вымести кучку пыли, но запретилъ тушить пламя газовой горѣлки.

Двѣ недѣли пролежалъ я, вперивъ взглядъ въ маленькое пламя; въ его тихомъ шипѣньи мнѣ чудилось послѣднее прости моей уже не существовавшей подруги. Наконецъ, въ одно прекрасное утро, моя экономная хозяйка предложила моей сидѣлкѣ потушить газъ, пока я сплю.

Я въ тотъ моментъ очнулся отъ своей дремоты, но было уже слишкомъ поздно. Пламя погасло. Тогда я, несмотря на крики и протесты, вскочилъ съ постели, одѣлся и выбѣжалъ изъ дому. Потому что комната показалась мнѣ вдругъ такой чужой и холодной, какъ нора, вырытая въ сырой глинѣ.

Я бродилъ по городу. Онъ показался мнѣ опустѣвшимъ. Бродилъ по окреснымъ лѣсамъ... и они показались мнѣ пустынями.

Дѣти играли. Я понять не могъ, - что за охота имъ играть.

Учителя шли въ школу. Я постичь не могъ - какая имъ охота тащиться туда.

Въ моей собственной душѣ погасъ огонекъ, стало темно, холодно, пусто. Не было смысла, ни цѣли, ни плановъ, ни улыбки. Ни до кого въ мірѣ не было мнѣ больше дѣла. Только одному человѣку могъ я повѣрить свою печаль - человѣку съ порошкомъ, моему молчаливому старому визави. Къ нему я и направился. Онъ принялъ меня съ распростертыми объятіями... и какъ бы тамъ ни было - теперь я понималъ его. Каждое слово. Каждую горькую улыбку. Все стало для меня такимъ понятнымъ, само собою разумѣемымъ.

- Поѣдемъ со мной, - предложилъ онъ. - Всѣ мои вещи уложены, всѣ сундуки готовы.

Этого пресыщеннаго, разочарованнаго аристократа теперь не узнать было. Въ немъ появилось что - то новое... какое - то напряженіе, ожиданіе. Его всегда аккуратно приглаженные, сѣдые волосы торчали теперь вихрами по Стриндберговски, а прежде вѣчно щурившіеся глаза широко открылись и сверкали оживленіемъ, энергіей.

- Мой долгій рабочій день кончился, - заговорилъ онъ. Я побѣдилъ, могу теперь отдохнуть, и затѣмъ - мнѣ остается лишь напрячь свои послѣднія силы, чтобы использовать свою побѣду. Поѣдемъ со мной.

Міръ становится ужаснымъ... его необходимо исправить, передѣлать. Его глаза лихорадочно сверкали.

- Порошокъ - сказалъ онъ. - Мой порошокъ. Мы оставимъ въ покоѣ стадо нашего милаго арендатора. На пажитяхъ міровой исторіи разгуливаютъ волы и быки поинтереснѣе, надутые высокомѣріемъ, кровожадные. - Ѣдемъ! Ѣдемъ вмѣстѣ! Соглашайтесь! Мы будемъ творить міровую исторію. Мы однимъ мановеніемъ руки будемъ придавать міру болѣе приличный видъ!..

Я согласился, - я былъ такъ удрученъ, измученъ. Съ первою осеннею бурею мы покинули купаяльное мѣстечко и понеслись на пароходѣ къ югу - къ теплу, къ пальмамъ, въ невѣдомый огромный міръ.

VII.

- Взглянитѣ, - сказалъ онъ мнѣ.

Мы сидѣли въ уютномъ номерѣ съ зелеными панелями, въ незнакомомъ отелѣ, въ глубинѣ контитента. Двери были заперты и передъ нами лежала цѣлая кипа газетъ; всѣ столбцы были заполнены сообщеніями о войнахъ, возстаніяхъ и нищетѣ. Онъ собиралъ газеты во время нашей поѣздки и, прочитывая, дѣлалъ отмѣтки

снимъ карандашемъ.

- Взгляните, сколько тутъ подчеркнуто именъ. Это тѣ кто подаютъ примѣръ алчности и кровожадности, лѣзутъ вверхъ и расталкиваютъ всѣхъ локтями. Всѣхъ настоящихъ, талантливыхъ, добрыхъ, чуткихъ они оттѣснили въ сторону, придушили, придавили, а сами протолкались на вершину, гдѣ ими однимъ за другимъ овладѣваетъ манія величія. Имъ недоступно чувство доброты, ими движетъ только личная выгода. На этомъ листѣ я записалъ ихъ имена. Спрячьте хорошенько. Мы выѣзжаемъ немедленно.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Дебютъ контролера спальныхъ вагоновъ.

(изъ воспоминаній стараго актера)

Я вижу, читатель въ недоумѣніи! причемъ тутъ театръ и контролеръ спальныхъ вагоновъ. Наиболѣе проницательные, да еще бывшіе хотя проѣздомъ въ Москвѣ, непремѣнно вспомнятъ Театръ Фарсъ, Смолякова, Грановскую, антрепренера Сабурова и... „контролера спальныхъ вагоновъ". Нѣкоторые даже вспомнятъ, что это было „что то ужасно неприличное".

Но читатели ошибаются. Я хочу разсказать дѣйствительный случай, какъ одинъ контролеръ спальныхъ вагоновъ возомнилъ себя оперным артистомъ и что изъ этого вышло. —

Дѣло было въ сезонъ 1911 — 1912 годовъ. Я тогда служилъ въ Одессѣ въ оперѣ А. П. Сибирякова. Однажды утромъ получаю телеграмму отъ моего друга, дирижера Рейнарда — Шаевича съ просьбой выручить труппу, въ которой заболѣлъ баритонъ и пріѣхать въ Гомель спѣть 3 гастроли въ тамошней оперѣ, антрепренеромъ которой былъ нѣкій Линевичъ, гордо именовавшій себя „племянникомъ извѣстнаго генерала".—

Сибиряковъ не охотно отпустилъ меня, ибо готовилась М-мъ Санъ Женъ, гдѣ я игралъ Наполеона, но въ результатѣ затрудненія были устранены и я радостно поѣхалъ зарабатывать, какъ говорили въ Одессѣ „свѣжую копѣйку"

Городъ, куда я ѣхалъ и который толстый Миша Черновъ — комикъ одесскаго фарса — называлъ нашъ Гомель — Гомель — мнѣ не былъ извѣстенъ.

Зналъ что это ужасная дыра, но мнѣ, ѣхавшему въ качествѣ кареты скорой помощи, разсуждать не приходилось. На разсвѣтѣ пріѣхалъ я въ этотъ Баденъ—Баденъ, т. е. Гомель Гомель и уже по дорогѣ въ отель увидѣлъ развѣшанныя по столбамъ афиши, оповѣщающія 3 спектакля съ моимъ участіемъ Риголетто въ день пріѣзда и черезъ промежутокъ въ день остальные два спектакля Севильскій Цирульникъ и Евгеній Онѣгинъ. Спектакли идутъ въ Коммерческомъ Клубѣ. Помѣщеніе маленькое, грязноватое, сцена крошечная, выхода отдѣльнаго нѣтъ, надо проходить черезъ публику, но труппа для провинціи очень приличная хотя по обыкновенію хора было очень мало.

Поцѣлуи, объятія, разговоры о невѣроятныхъ тріумфахъ, о вагонахъ, золотыхъ портсигаровъ отъ почитателей талантовъ, о новыхъ интрижкахъ, о свѣже испеченныхъ поклонницахъ и о новыхъ театральныхъ супружествахъ, заняли у меня все время до самаго обѣда. Между другими новостями — одна сенсаціонная. Завтра, въ перерывѣ между моими гастролями идетъ Фаустъ съ... контролеромъ спальныхъ вагоновъ въ роли Валентина.

На мой неудомѣнный вопросъ, актеры наперерывъ затараторили, что антрепренеръ Линевичъ въ поискахъ баритона, возвращаясь изъ Москвы, гдѣ то въ дорогѣ, въ спальномъ вагонѣ подковалъ контролера, любителя пѣнія и непризнаннаго артиста, взялъ т него „на рекламу" 400 рублей и завтра новоиспеченный дебютантъ выступаетъ въ роли Валентина. Показали мнѣ и героя торжества. Физіономія ярко выраженная армянская, видъ побѣдителя, совсѣмъ безъ пяти минутъ Шаляпинъ, возлѣ крутится мелкимъ бѣсомъ Линевичъ, въ чаяніи оченидно перехватить еще сотнягу на клаку или рецензентовъ.

Передавали на ухо, что контролеръ уже заказалъ въ ближайшемъ цвѣточномъ магазинѣ корзину розъ и лавровый вѣнокъ съ лентами и надписями „Всемірному таланту отъ благодарной Гомельской публики."

Я уже не раскаивался, что пріѣхалъ въ этотъ грязный городишко. Посмотрѣть такіе спектакли удается не часто.—

На завтра мое мѣсто въ публикѣ оказалось во 2-мъ ряду, сзади толстаго исправника съ большими бакенами, который сидѣлъ гордо, помѣстивъ свой внушительный животъ между колѣнъ и побѣдоносно оглядывалъ публику. Начался первый актъ. Мефистофель не вылѣзъ изъ люка, какъ полагается всякому черту, ибо въ театрѣ люка не оказалось, а скромно вышелъ изъ боковой двери, словно пріятель, зашедшій „на огонекъ", показалъ Фаусту невинную Маргариту, нѣжный цвѣтокъ такъ лѣтъ 40 съ хвостикомъ, какъ у насъ называли „заслуженную артистку" съ сильно развитыми формами, разжегъ старика, превратилъ его въ молодого и убѣжалъ съ нимъ. Публика сдержанно похлопала и какъ будто приняла первый актъ доброжелательно. Антрактъ. Мужчины поспѣшили въ буфетъ „зарядиться", дамы шутомно жевали апельсины и конфекты, незавидемо поглядывая на публику.— Звонокъ и медленно сморщилась какая то желтая дѣвица съ лирой въ рукѣ на занавѣси, складываясь пополамъ и открывая видъ на ярмарку.

Три съ половиной хориста, усиленно размахивая руками пѣли, изображая веселыхъ горожанъ, затѣмъ убѣжали за кулисы, наскоро прицѣпили бороды другого цвѣта, чѣмъ усы, представили стариковъ, снова убѣжали, чтобы появившись съ другой стороны представить побѣдоносное войско и въ антрактѣ жаловались мнѣ, что антрепренеръ — жмотъ и за туже цѣну заставляетъ пѣть и за дворянъ и за народъ.—

Наконецъ появился герой вечера, всемірный талантъ, контролеръ спальныхъ вагоновъ.— Онъ выглядѣлъ довольно комично въ роли браваго солдата Валентина, съ болтающейся между ногъ шпаженкой, сдвинутой на лобъ шляпой съ уныло качающимся пером, въ большущихъ сапогахъ и съ лихо закрученными усами аля Вильгельмъ. Первый речитативъ сошелъ благополучно но я съ удивленіемъ увидѣлъ, что нашъ контролеръ все время что то жуетъ. Потомъ мнѣ сказали, что онъ пѣлъ съ двумя конфектами во рту. Одна, чтобы мягчить драгоцѣнное горло и другая чтобы сушить. И въ зависимости отъ того, что Валентину въ данный моментъ было нужно, онъ въ паузѣ поворачивалъ

языкомъ нужную конфекту и сосалъ усиленно, причмокивая.

Послѣ знаменитой аріи „Богъ всесильный“ которую нашъ контролеръ прокричалъ, что называется „безъ хлопка“ — герой вечера недоумѣнно посмотрѣлъ на публику, какъ бы спрашивая „что же вы черти, не аплодируете и, не дождавшись отвѣта, съ презрѣніемъ выплюнулъ обѣ конфекты прямо на лысину суфлера и гордо сѣлъ спиной къ публикѣ, оживленно говоря о чемъ то съ хорнетами, пожимая плечами и показывая пальцами на зрительный залъ.

Настало благословеніе Мефистофели крестами и начались несчастія нашего дебютанта. Понятно шпага Валентина сначала не хотѣла выниматься, затѣмъ не хотѣла ломаться и нашъ добрый старикъ Мотя Горяновъ-Мефистофель съ отзывчивымъ сердцемъ помогъ дѣлу, вырвавъ у контролера изъ рукъ шпагу, сломавъ ее и любезно повернувъ крестомъ къ Валентину далъ ему себя благословить. хотя при этомъ актѣ и показывалъ изо всѣхъ силъ какъ блогословленіе крестомъ ему противно. Въ публикѣ начались сдержанные смѣшки и въ залѣ воцарилось настроеніе, похожее на начинающуюся грозу.—

Въ антрактѣ Фаустъ — Дурдуковскій,бывшій офицеръ жаловался мнѣ что этотъ контролеръ, этотъ шпакъ армянскій настолько самонадѣянъ, что не хочетъ репетировать сцену дуэли, гордо заявляя Фаусту, что ему репетиціи не надо, онъ прекрасно дерется на шпагахъ и совѣтуетъ ему, Фаусту, поберечься, какъ бы не получить на орѣхи.—

Настала сцена дуэли и публика съ изумленіемъ увидѣла, какъ храбрый Валентинъ волчкомъ крутился по сценѣ, убѣгая отъ бѣшенно нападавшаго Фауста, наконецъ взбѣжалъ на 3 ступеньки храма, выронилъ шпагу и сѣлъ на корточки, закрывая голову руками, Фаустъ, по долгу службы ткнулъ два раза шпагой въ животъ смирно сидящаго Валентина и по музыкѣ ушелъ съ Мефистофелемъ оставивъ контролера спальныхъ вагоновъ умирать на свободѣ.—

Сначала нашъ герой, посмотрѣвъ по сторонамъ и увидѣвъ, что враговъ нѣтъ, попробовалъ улечься тутъ же на ступенькахъ, но оказалось что голова и половина туловища спрятались за кулисы. Тогда послѣ ожесточенныхъ возгласовъ режиссера и нѣсколькихъ кулаковъ, показавшихся изъ дверп храма, нашъ Валентинъ, потихоньку началъ сползать на собственныхъ средствахъ съ лѣстницы, нашелъ твердую почву, удобно устроился, вынулъ изъ кармана конфекту, заложилъ ее за щеку и... замеръ. Въ публикѣ начался гомерическій хохотъ. Мой сосѣдъ, толстый испанникъ заливался, какъ Валдайскій колокольчикъ. Въ довершеніе несчастія выскочила „заслуженная артистка“ Маргарита и своимъ семипудовымъ тѣломъ упала на животъ къ покойнику въ припадкѣ яснаго горя. Покойникъ, не ожидая такой ласки, громко пикнулъ, и сердито заворочалъ глазами, не переставая сосать свою неизбѣжную конфекту.—

Въ залѣ творилось что то невѣроятное. Зрители улюлюкали, верещали, заливались соловьями и свистали какъ „сорокъ тысячъ паровозовъ свистать не могутъ“.—

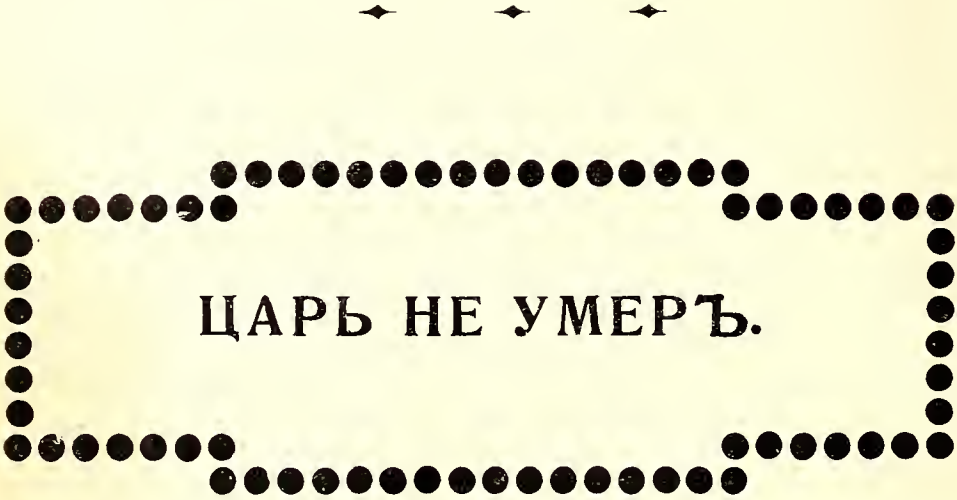
А въ довершеніе скандала покойникъ вдругъ поднялъ голову, чтобы посмотрѣть когда же опустятъ занавѣсъ. Это былъ кульминаціонный пунктъ. Публика на моментъ, ошарашенная, замолкла и ясно былъ слышенъ возгласъ „заслуженной “Маргариты. „Да лежите Вы чертъ Васъ дери“.—

Что было потомъ невозможно представить, полетѣли на сцену калоши, шапки, корки отъ апельсинъ, стулья трещали и полиція тщетно бѣгала по по залу, желая успокоить наиболѣе экзалтированныхъ.

Но это еще не былъ конецъ. Вдругъ изъ единственной двери, которая ведетъ со сцены въ публику выскочилъ въ залу контролеръ спальныхъ вагоновъ въ растерзанномъ костюмѣ Валентина, бѣшенно размахивая шпагой, вихремъ промчался по залѣ въ сопровожденіи трясущагося антрепренера и, подъ свистъ и улюлюканіе публики, исчезъ въ выходной дверп. На улицѣ онъ схватилъ перваго попавшагося извощика и колотя его шпагой изступленно кричалъ „пошелъ домой, три рубля на чай, только скорей домой“.—

А въ уборной Валентина уныло стояли не поднесенные на сцену корзина цвѣтовъ и лавровый вѣнокъ съ лентами и надписями „Всемірному таланту отъ благодарной Гомельской публики“.

Левъ Княжичъ.



ЦАРЬ НЕ УМЕРЪ.

Часть I.

Глава 1.

Опираясь на поручни парохода, Альба Росси смотрѣла на приближающійся берегъ, полузакрытый туманомъ зимняго утра. Завернувшись въ свою бобровую шубку, молодая дѣвушка съ нетерпѣніемъ ожидала, когда можно будетъ сойти на берегъ. Старая дѣва англичанка, неутомимая путешественница, ея спутница на пароходѣ, подошла, что бы еще разъ повторить уже надоѣвшую фразу:

- Почему же, Вы не послали ему телеграмму?

Альба покачала головой:

- Потому что хотѣла сдѣлать ему сюрпризъ. Я хотѣла съ нимъ встрѣтиться въ Шингъ-Ванъ-Тау.

- Шингъ-Ванъ-Тау, - это тамъ, показала англичанка. Я уже была здѣсь пять разъ на японскомъ пароходѣ, три раза на англійскомъ, сегодня въ первый разъ пріѣзжаю на итальянскомъ. Въ первый разъ я вижу Желтое Море такимъ спокойнымъ.

Желтое Море знаетъ, что я не выношу качки, - оно было очень любезно.

- Видите - ли. Когда на борту есть влюбленные, море это знаетъ... И бываетъ ласково. Много лѣтъ тому назадъ я тоже была влюблена. Когда я ѣхала въ Америку гдѣ жилъ мой женихъ, Атлантическій Океанъ былъ... тихимъ. Къ несчастью я застала его. занятымъ и должена была вернуться назадъ.

- Когда вы ѣхали назадъ, какъ вело себя море?

- Я не замѣтила... Это было единственный разъ, когда я не смотрѣла на море.

- Почему же, Вы не послали ему телеграмму? не безъ иронiи спросила Альба.

- Я... я тоже хотѣла сдѣлать сюрпризъ. Только, я удивилась гораздо больше... Впрочемъ, это было давно...

Въ это время пароходъ загудѣлъ, входя въ Портъ Шингъ Ванъ-Тоу.

- Вотъ онъ! Вонъ „Марко Поло", воскликнула Альба Росси, указывая своей собесѣдницѣ итальянскую канонерку стоявшую возлѣ большого броненосца, на которомъ развѣвался флагъ Небесной Республики, и быстро сбѣжала внизъ по лѣстницѣ, чтобы еще разъ провѣрить давно готовый багажъ. Снова взбѣжала наверхъ. Внимательно оглядѣла палубу „Марко Поло", который стоялъ рядомъ. Поочереди направила бинокль на всѣхъ офицеровъ, проходившихъ черезъ капитанскій мостикъ, такъ увлеклась, что не замѣтила, какъ началась высадка. Сошла почти послѣдняя съ парохода. Новая задержка въ таможнѣ. Только, когда все кончилось, Альба вспомнила что даже не простилась съ англичанкой, почти цѣлый мѣсяцъ бывшей ея собесѣдницей. Молодая дѣвушка пожала плечами и быстро направилась по набережной къ „Марко Поло". Часовой, стоявшій около спущенныхъ мостиковъ, сильно удивился, услышавъ итальянскій языкъ въ далекомъ Китаѣ.

- Могу подняться, спросила Альба Росси. Я - родственница капитана.

Бѣдный матросъ не зналъ, что дѣлать.

- Капитана? пробормоталъ онъ.

- Ну, да. Капитана Пауло Дегли Орти.

Часовой вызвалъ офицера.

- Господинъ поручикъ, здѣсь одна барышня, родственница капитана...

- Я его невѣста. Я только что пріѣхала изъ Италіи. Могу его видѣть?.

Офицеръ поднесъ руку къ фуражкѣ.

- Поручикъ Жіованни Моранди... Къ вашимъ услугамъ... Мнѣ очень жаль, но капитана нѣтъ на борту.

- Гдѣ же онъ?

- Этого никто не знаетъ. Онъ въ отпуску.

- Здѣсь? Въ городѣ?

- Нѣтъ. Онъ уѣхалъ...

- Я пріѣхала изъ Италіи, чтобы увидѣться съ нимъ...

- Вы, конечно, забыли его увѣдомить объ этомъ; если бы онъ зналъ...

- Да... Я хотѣла сдѣлать сюрпризъ... Давно онъ уѣхалъ.

- Уже мѣсяцъ... Но, почему Вы не поднялись нв бортъ? Пожалуйста.

Но Альба уже не видѣла ничего интереснаго въ „Марко Поло". Разъ не было капитана, не стоило и подниматься на мостикъ.

- Кто же можетъ мнѣ указать, гдѣ находится Паоло? Какъ онъ уѣхалъ? На автомобилѣ? По желѣзной дорогѣ? Одинъ?

- Только могу вамъ сказать, что по желѣзной дорогѣ.

- Одинъ?

- Думаю, что одинъ... Да, увѣренъ даже... Кажется одинъ...

Альба задумалась. Поручикъ зналъ больше, чѣмъ хотѣлъ сказать. Это было ясно.

- И Пьеро... Его братъ знаетъ куда уѣхалъ Паоло?

- Вамъ, конечно, извѣстно, что Пьеро секретарь нашего посольства въ Пекинѣ?

- Когда идетъ поѣздъ въ Пекинъ?

- Черезъ часъ... Но, вы не хотите немного отдохнуть?

- Я отдохнула уже... Я устала отдыхать. Хочу немедленно ѣхать въ Пекинъ. Будьте добры, распорядитесь, чтобы мой багажъ былъ отправленъ на станцію.

- Сейчасъ... Будьте спокойны... Да, въ Тьянъ Тзинѣ есть есть нашъ представитель. Возможно, что онъ что нибудь знаетъ...

- Конечно... Дайте ему телеграмму. Просите выйти на станцію къ поѣзду.

Поручикъ Моранди приказалъ матросу заняться доставкой багажа Альбы и лично отправился проводить ее на станцію.

- Скажите мнѣ на прощанье, гдѣ я могу остановиться въ Пекинѣ?

- Гостинница „Общества Спальныхъ Вагоновъ". Счастливаго пути.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

„О томъ, какъ жена задумала измѣнить своему мужу, и что изъ этого вышло"

Шутка въ 1-мъ дѣйствіи Н. Г. Ланицкаго.

Докторъ Михаилъ Петровичъ Арсовъ, 30 л.
Вѣра Михайловна, жена его, бывшая институтка, 19 лѣтъ.
Прохоръ Кузьмичъ Храбрецовъ, 25 л., робкій и застѣнчивый молодой человѣкъ.
Маргарита Александровна Миловзорова, институтка подруга Арсовой, 20 лѣтъ.
Груша, горничная Арсовыхъ.

Дѣйствіе происходитъ въ квартирѣ Арсовыхъ.

Гостинная. Докторъ сидитъ слѣва въ креслѣ и читаетъ газету. Справа входитъ его молоденькая, очень кокетливо со вкусомъ одѣтая, жена. Она, повидимому, не въ духѣ, молча проходитъ и садится на диванъ справа; нервничаетъ.

Докторъ (отбрасывая въ сторону газету). Ты прости меня, Вѣрочка, что я уѣхалъ сегодня утромъ къ больному, не попрощавшись съ тобой, но ты такъ сладко спала, что мнѣ было жаль тебя будить. (вставая и направляясь къ женѣ). За то теперь-то ужъ расцѣлую мою милую женушку (подходитъ къ ней).

Вѣр. Мих. (быстро вскакивая). Не подходите ко мнѣ!.. Слышите, не подходите!

Докторъ (останавливаясь, изумленно). Вѣруся что съ тобой?.. Неужели изъ-за такихъ пустяковъ ты такъ обидѣлась на меня... (ласковымъ тономъ). Ну, полно перестань дуться! Позволь мнѣ только влѣпить маленькую безешку въ твою аленькую щечку, и все пройдетъ! (хочетъ обнять ее).

Вѣра Мих. (отступая съ гнѣвомъ). Не хочу я вашихъ безешекъ ...Влѣпляйте ихъ другимъ... Вы не мужъ, а извергъ!.. Вы-чудовище...

Докторъ (въ сильномъ недоумѣніи). Что случилось? Почему я чудовище?.. Почему я извергъ? И это черезъ мѣсяцъ нашей свадьбы!

Вѣдь, кажется, до сихъ поръ я исполнялъ всѣ твои желанья. Не далѣе. какъ вчера, купилъ тебѣ новую шляпку.

Вѣра Мих. (волнуясь). Ноувю шляпку?!?.. А другой, этой гадкой брюнеткѣ, можетъ купили не одну, а цѣлый десятокъ новыхъ шляпокъ... Ахъ, если бы я только знала это раньше, ни за что не вышла бы за васъ замужъ!

Докторъ (разводя руками). О какой брюнеткѣ ты говоришь?.. Что ты должна была знать раньше?.. Ничего не понимаю!

Вѣра Мих. (иронически). Непритворяйтесь такимъ невиннымъ!.. Я уже заранѣе знала, что вы не сознаетесь въ своей виновности... въ своей близости съ этой противной брюнеткой, съ такими глупыми глазами... (видя что мужъ хочетъ ей возразить). Пожалуйста не отрицайте!.. Да, да, у ней глупые, преглупые глаза... Не понимаю что вы нашли въ ней хорошаго!.. О, какъ я ненавижу ее, такъ, кажется, и разорвала бы ее собственными руками!..

Докторъ. Вѣрунчикъ, женушка моя...

Вѣра Мих. (топая ногой). Не называйте меня женушкой! Я не хочу быть больще вашей женой!.. Идите къ вашей брюнеткѣ и цѣлуйтесь съ ней.

Докторъ. Опять брюнетка!.. Объясни мнѣ, ради Бога, откуда ты взяла эту несчастную брюнетку... Ужъ не во снѣ ли ты видала ее?

Вѣра Мих. Ну, да... сеодня во снѣ... Ты стоялъ передъ ней на колѣняхъ, цѣловалъ ей руки, лицо, называлъ ее своимъ „пупсикомъ"... (обиженно). А меня ты никогда такъ не называлъ!.. Я стояла около васъ за портьерой и все видѣла... Не разбуди меня Груша къ утренному кофе, я навѣрное, выцарапала бы глаза вашей брюнеткѣ, вашему „пупсику"!..

Докторъ. (хохочя). Ха-ха-ха!.. Послушай Вѣрочка, будь же благоразумна: вѣдь, это же смѣшно, наконецъ... Видѣла во снѣ какую -то брюнетку и приревновала меня къ ней... Ха-ха-ха.

Вѣра Мих. Вы еще можете смѣятся?.. О, я прекрасно понимаю васъ! Вы это дѣлаете нарочно, что бы отвести мнѣ глаза... Если я и вышла за васъ замужъ тотчасъ послѣ института, то это вовсе не значитъ, чтобы я была такъ глупа и наивна, чтобы повѣрить вамъ.

Докторъ. (начиная сердиться). Это наконецъ, переходитъ всякія границы!.. На основаніи какого-то глупаго сна, обвинять меня въ измѣнѣ съ какой-то брюнеткой!..

Вѣра Мих. По вашему глупый, а по моему очень умный сонъ. Сны никогда не обманываютъ. Когда я была въ третьемъ классѣ инсуитута, то видала во снѣ, что у меня вдругъ выросъ длинный, предлинный носъ... И что же? На другой день я получила колъ по математикѣ... Въ пятомъ классѣ мнѣ приснилось, что наша классная дама, Петрушка, погрозила мнѣ пальцемъ, и, представь себѣ, меня лишили въ наказанье третьяго блюда, а были мои любимыя пышки съ вареньемъ... Я такъ плакала, такъ плакала, что Соня Кривцова по-

жалѣла меня и отдала потихоньку свою порцію... Нѣтъ-съ, Михаилъ Петровичъ вы меня не проведете... Идите къ своей шатенкѣ, брюнеткѣ, а я... (слезливо) я не хочу уже больше васъ и знать... Слышите!.. (садится на диванъ и плачетъ). Какая я несчастная!... Дорогая мамочка, ты, навѣрное, пожалѣла бы свою бѣдную дочку!..

Докторъ. (все время нервно бѣгавшій по гостинной, подходитъ къ ней и хочетъ взять ее за руку). Послушай, Вѣрунчикъ!..

Вѣра Мих. (сквозь слезы). Не смѣйте прикасаться ко мнѣ... Говорю вамъ, не смѣйте! Послѣ этой брюнетки я не хочу, чтобы вы меня трогали... Ступайте къ вашей любовницѣ, милуйтесь, цѣлуйтесь съ ней, а меня оставьте въ покоѣ.

Докторъ (взбѣшенный). А, такъ-то!.. Хорошо-съ!.. Ваше желаніе будетъ исполнено! Сейчасъ же уйду къ ней, къ моей любовницѣ...

Вѣра Мих. Ага сознались, наконецъ! Значитъ у васъ дѣйствительно есть любовница?

Докторъ (со злостью). И не одна!.. двѣ... десять, цѣлая дюжина любовницъ.

Вѣра Мих. (едва сдерживаясь). Вотъ какъ! Цѣлая дюжина!.. Прекрасно! Въ такомъ случаѣ, я... я тоже заведу себѣ любовника... и не одного, а цѣлыхъ пятнадцать...

Докторъ. Хоть сотню.

Вѣра Мих. (вставая). Помните, что сказали. Не раскайтесь потомъ! (уходитъ сильно хлопнувъ дверью).

Докторъ (въ волненіи бѣгая по комнатѣ и ероша себѣ волосы). Это чертъ знаетъ что такое!.. Сумасшествіе какое-то!.. Видѣть какой-то идіотскій сонъ и вообразить себѣ Богъ знаетъ что!.. Но, подождите, Вѣра Михайловна, это вамъ даромъ не пройдетъ... Вы хотите, чтобы у меня была любовница... Будетъ-съ!.. Первая попавшая будетъ...

Груша (въ дверяхъ). Барынина подруга пришли. Прикажите принять?

Докторъ. Разумѣется. Проси ее немедленно сюда (горничная уходитъ).

Миловзорова (входя). Здравствуйте, Михаилъ Петровичъ (оглядывается). А гдѣ же Вѣра?

Докторъ. Она вышла. Вѣроятно, скоро вернется. Поскучайте до ея прихода со мной.

Миловзорова. Что вы! Развѣ съ вами можно соскучиться? Вы такой умный и занимательный собесѣдникъ.

Докторъ (садясь вблизи нея). Очень благидаренъ за лестное мнѣніе... Знаете, Маргарита Александровна, смотрю я на васъ и удивляюсь. Вы такая молодая, красивая и изящная дѣвушка, а до сихъ поръ не замужемъ... За вами, навѣрное, волочится много молодежи?

Миловзорова (смущенно смѣясь). Какіе странные вопросы вы задаете... Вѣроятно, не находятъ меня такой, какой считаете вы.

Докторъ. Слѣдовательно, у нихъ нѣтъ глазъ... Скажите, а сами вы никогда не были влюблены?

Маловзорова (въ сильномъ смущеніи). Я?!?... Развѣ вы замѣтили что-нибудь?... Я, кажется не подала вамъ повода подозрѣвать...

Докторъ (въ сторону). Ахъ, чертъ возьми, вотъ такъ штука!.. (къ ней) Ну, а если бы я и замѣтилъ кое-что, тогда что было бы?..

Миловзорова (испуганно, отодвигаясь). Неужели я была такъ неосторожна!... Ахъ Боже мой, что вы должны теперь подумать обо мнѣ!.. (закрываетъ лицо руками).

Докторъ (придвигаясь къ ней и стараясь отнять руки отъ ея лица). Ничего особеннаго... Я былъ бы только польщенъ, если бы вы вполнѣ довѣрились мнѣ... Повѣрьте, что всякая сильная любовь почти всегда вызываетъ взаимность.

Миловзорова (съ живостью). Какъ я могу разсчитывать на взаимность! Но вѣдь это было бы такое счастье, о которомъ я не смѣла и мечтать. Соединиться на вѣки съ любимымъ существомъ, это было бы блаженство (мечтательно). Мы поселимся тогда гдѣ-нибдуь въ хижинѣ въ лѣсу... Будемъ мечтать при лунѣ, наслаждаться любовью... Не правда ли, дорогой Михаилъ Петровичъ, это будетъ восхитительно?

Докторъ (съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ). М-м-да!... Конечно ... Отчего же и не погулять при лунѣ, если напримѣръ, нѣтъ дождя.. А то можно схватить насморкъ... Я ему очень подверженъ. Чуть сырость и готово!.. Нѣтъ, знаете, лучше жить въ городѣ, а то въ хижинѣ, оно, конечно, словъ нѣтъ, поэтично, а все-таки...

Миловзорова (не слушая его). сказать, по правдѣ, Михаилъ Петровичъ, я затѣмъ и пришла сюда, чтобы во всемъ открыться Вѣрѣ..

Доктор (вскакивая, какъ ужаленный). Вѣрѣ?!?

Миловзорова (смотря на него съ удивленіемъ). Что же въ этомъ удивительнаго?.. Вѣдь она моя давнишняя подруга и, навѣрное, пойметъ меня и не захочетъ мѣшать нашему счастью... Наоборотъ даже поможетъ мнѣ...

Докторъ. Только этого не доставало!... Да вы думаете о томъ что говорите? Я никогда не соглашусь, чтобы вы говорили объ этомъ съ Вѣрой... Вѣдь это было бы безуміе .. въ особенности при ея впечатлительности..

Миловзорова (въ крайнемъ изумленіи). Ничего не понимаю!.. Почему это такъ волнуетъ васъ. Разъ вы сами были согласны со мной, то, мнѣ кажется, нѣтъ причины скрывать это отъ Вѣры... Это, наконецъ, будетъ много благороднѣе съ моей стороны, чѣмъ, если бы я стала имѣть отъ нея какую-нидудь тайну съ вами...

Докторъ (возмущенно). Ботъ положеніе-то!.. Послушайте, но я прошу васъ, умоляю, наконецъ, ничего на говорить Вѣрѣ... по крайней мѣрѣ, сегодня... Неужели вы сами этого не понимаете... (прислушивается). Батюшки! Кажется, Вѣра идетъ сюда... Васъ необходимо спрятать, хоть на время куда-нибудь (хватаетъ Миловзорову за руку). Идите сюда вотъ... въ мой кабинетъ и ради Бога ни звука... (толкаетъ

ее въ кабинетъ налѣво).

Миловзорова (въ смятеніи). Но позвольте... Я не хочу...

Докторъ. Ради Бога ни слова... Послѣ я все объясню вамъ.,. (вталкиваетъ ее въ кабинетъ и запираетъ на ключъ. Въ изнеможеніи опускается въ кресло, обмахиваясь платкомъ). Уфъ!.. Что-то будетъ!.. (входитъ Вѣра Михайловна съ книгой въ рукахъ и, пройдя направо, садится въ полъоборота къ мужу на кушетку и начинаетъ читать).

Докторъ (нѣсколько секундъ молча посматриваетъ на нее). Надо будетъ, во что бы то ни стало, выкурить ее отсюда, если она увидится съ той сумасшедшей, то Богъ знаетъ что произойдетъ... (къ жснѣ, заискивающе) Вѣрочка, а Вѣрочка!.. (Та не отвѣчаетъ). Вѣдь ты хотѣла идти за покупками въ гостинный дворъ. Развѣ раздумала... Ахъ знаешь, какое я тамъ видѣлъ въ магазинѣ манто? Роскошь!. Если тебѣ понравится, то купи. Я и денегъ дамъ. Хочешь?

Вѣра Мих. (въ сторону). Подкупаетъ! Чувствуетъ себя виновнымъ и думаетъ откупиться манто. Нѣтъ-съ Михаилъ Петровичъ, это будетъ вамъ стоить подороже... Фу!.. Какъ вспомню эту брюнетку, такъ даже въ дрожь бросаетъ...

Груша (вбѣгая). Баринъ! Баринъ... На нашей лѣстницѣ несчастье случилось!.. Барышня изъ второго номера поскользнулась и сломала себѣ ногу... Просятъ васъ немедленно придти.

Докторъ. (вскакивая). Скажи, сейчасъ иду. (Груша убѣгаетъ). А чертъ! Какъ же я ее оставлю (бросаетъ взглядъ на кабинетъ). А не идти нельзя. Эхъ была-не-была. Авось, не увидятся до моего прихода (медленно уходитъ. Слышенъ звонокъ. Входитъ Груша).

Груша. Барыня, тамъ пришелъ молодой человѣкъ который ходить къ барину.

Вѣра Мих. Прохоръ Кузьмичъ!.. Вотъ кстати-то!.. Проси его сюда. (Груша уходитъ. Вѣра Михайловна принимаетъ на диванѣ небрежно-кокетливую позу. Входитъ Прохоръ Кузьмичъ. Держитъ себя крайне застѣнчиво и робко. Останавливается у дверей со шляпой въ рукахъ). Что же вы остановились? Входите. Мужъ сейчасъ вернется (тотъ приближается и здоровается). Что это вы насъ совсѣмъ забыли? Я соскучилась по васъ.

Прох. Кузьм. (робко) Помилуйте, Вѣра Михайловна, я у васъ только вчера былъ.

Вѣра Мих. (притворяясь удивленной). Развѣ?!? Да, что же вы не садитесь? (замѣтя, что онъ хочетъ сѣсть поодаль). Не тамъ... Сядьте тутъ поближе около меня (указываетъ ему на низенькій пуфъ около себя. Тотъ садится неловко, мнетъ шляпу, скромно опустивъ глаза книзу. Вѣра смотритъ на него и вдругъ разражается хохотомъ отъ котораго онъ вздрагиваетъ и еще болѣе смущается, такъ что роняетъ шляпу на полъ). Ха-ха-ха... Какой вы смѣшной!.. Ха-ха-ха... (тотъ начинаетъ вертѣться на стулѣ). Ну, какой вы мужчина! Пришелъ и сидитъ сложа руки, какъ паинька-мальчикъ. Вы не мужчина а тюлень!..

Прох. Кузьм. (сконфуженно). Помилуйте, Вѣра Михайловна, какой же я тюлень?.. (убѣжденно). Я мужчина... Ей Богу мужчина!.. Хоть сейчасъ подъ присягу...

Вѣра Мих. Пожалуйста, не увѣряйте меня... Ни за что не повѣрю... Мужчины не такіе бываютъ. Вотъ послушайте (беретъ книгу и читаетъ). „Марсель распахнулъ дверь ея будуара и быстрыми шагами подошелъ къ молодой женщинѣ, лежавшей на кушетлѣ, и спросилъ задыхающимся отъ страсти голосомъ: „ты одна, мужа нѣтъ дома?“ „Нѣтъ“, чуть слышно отвѣтила она. Тогда онъ стремительно бросился передъ ней на колѣни и охватилъ ея трепещущій станъ своими могучими руками”... (кладетъ книгу). Вотъ это, я понимаю, мужчина!.. А вы? Институтка какая-то. Mademoiselle tenez vous droite?.. Ха-ха-ха...

Прох. Кузьм. Вы всегда смѣетесь надо мной... Вы не думайте: я тоже могу быть такимъ какъ Марсель.

Вѣра Мих. Въ самомъ дѣлѣ?.. Хорошо же, тогда я буду васъ называть Марселемъ, а вы меня Маргаритой!

Прох. Кузьм. (радостно). Маргаритой!

Вѣра Мих. Ну, да. Такъ называется въ романѣ возлюбленная Марселя. Вамъ нравится это имя?

Прох. Кузьм. Чудесное имя! Прекрасное имя!

Вѣра Мих. Неправда ли?.. Это не то, что прозаическое имя Вѣра ... Марго,.. Маргарита. Это такъ красиво звучитъ.,. Итакъ, Марсель становитесь на колѣни.

Прох. Кузьм. (съ удивленіемъ). Зачѣмъ же это на колѣни?

Вѣра Мих. Какой вы непонятливый! Вы Марсель, а я Маргарита. Должны же вы объясниться мнѣ въ любви.

Прох. Кузьм. Вамъ?

Вѣра Мих. Ну да, мнѣ. Вѣдь, я теперь Маргарита,

Прох. Кузьм. Маргаритѣ? Съ величайшимъ наслажденіемъ (опускается около нея на колѣни).

Вѣра Мих. (читаетъ). „Маргарита наклонилась къ Марселю и стала нѣжно ласкать рукой шелковистые кудри его волосъ” (проводитъ рукой по гладко остриженной головѣ Прохора Казьмича, отдергиваетъ руку, и тряся ею вскрикиваетъ). Ай-яй-яй... Что это? Я накололась... (съ досадой) У васъ не волосы, а щетина какая-то!

Прох. Кузьм. И парикмахеръ говоритъ, что у меня ужасно жесткій волосъ.

Вѣра Мих. (безаппеляціонно). Въ такомъ случаѣ, слышите, вы должны непремѣнно завести себѣ парикъ. А то у Марселя и вдругъ щетина.., Фи! продолжаетъ чтеніе. „Марсель покрылъ ласкавшую его руку безчисленными поцѣлуями”... (суетъ ему свою руку). Цѣлуйте же.

Прох. Кузьм. А вы навѣрное знаете, что Маргарита любитъ меня?.

Вѣра Мих. О, безумно!..

Прохоръ Кузьм. (съ жаромъ). Тогда... (хватаетъ ея руку и покрываетъ безчисленными поцѣлуями). О, Маргарита, какъ мнѣ благодарить тебя за то, что я услышалъ сегодня... Прости меня, что я такъ долго сомнѣвался въ твоей любви. Но послѣ сегодняшняго мы скоро соединимсу на вѣки, чтобы болѣе никогда не разставаться. (въ порывѣ увлеченія обнимаетъ Вѣру Михайловну и цѣлуетъ ее. Та, вскакивая, съ недоумѣніемъ вскрикиваетъ. Поднимается и крайне смущенный Прохоръ Кузьмичъ).

Вѣра Мих. Какъ вы смѣли!.. Какое нахальство!.. И потомъ въ книгѣ вовсе не такъ...

Прохоръ Кузьм. Простите... Я принялъ васъ за Маргариту... Притомъ вы же сами сказали, что она любитъ меня... (слышенъ сильный звонокъ).

Вѣра Мих. (испуганно). Боже мой, это мужъ!.. Вамъ надо спасаться, бѣжать, скрыться куда-нибудь... (суетится).

Прохоръ Кузьм. (въ недоумѣніи). Куда скрыться?.. Зачѣмъ?..

Вѣра Мих. Ахъ, вы ничего не понимаете!.. Когда мужъ находитъ у своей жены молодого человѣка, то онъ его обязательно убиваетъ... Господи, куда мнѣ васъ спрятать... вотъ сюда... въ кабинетъ.. (открываетъ дверь кабинета и вталкиваетъ туда Прохора Кузьмича. Запираетъ дверь и стоитъ въ смущеніи у стола, стараясь скрыть волненіе. Входитъ быстро мужъ и, видя закрытую дверь, кабинета, вздыхаетъ съ облегченіемъ.

Вѣра Мих. (сконфуженно). Какъ ты скоро вернулся Мишель?

Петр. Мих. Оказались пустяки. Простой вывихъ. Черезъ три дня будетъ здорова.

Вѣра Мих. (играя въ смущеніи носовымъ платковъ). Мишель!.. (Мужъ съ удивленіемъ смотритъ на нее). Прости меня... Я виновата передъ тобой, но я, право, не предполагала...

Мих. Петр. (подходитъ къ ней и беретъ ее за руку). Я уже и забылъ... Къ тому же я, долженъ тебѣ признаться... (путаясь) Понимаешь... Какъ тебѣ сказать... Вотъ это самое... Ну, однимъ словомъ... (въ это время слышенъ сильный стукъ въ двери кабинета).

(Вѣра Михайл. и Михаилъ Петровичъ держатъ другъ друга за руки и не пускаютъ одинъ другого: вмѣстѣ): Прошу тебя, Вѣрочка, Мишель, не открывай, пока я тебѣ не объясню... (Стукъ усиливается. Слышны мужской и женскій голоса: „Откройте!").

Вѣра Мих. (изумленно). Я слышу женскій голосъ!

Мих. Петр. Что за чортъ!.. Женщина превратилась въ мужчину!.. (одновременно подходятъ къ дверямъ кабинета и открываютъ ихъ. Оттуда, держась за руки, выходятъ Маргарита Александровна и Прохоръ Кузьмичъ).

Вѣра Мих. Маргарита, ты какъ туда попала?..

Мих. Петр. Прохоръ Кузьмичъ, вы какъ очутились въ моемъ кабинетѣ?..

Марг. Алекс. (грозя имъ пальцемъ). Не хитрите... Я сразу разгадала вашъ планъ (подходитъ къ недоумѣвающей Вѣрѣ и цѣлуетъ ее). Спасибо тебѣ, Вѣрочка! Не приди тебѣ въ голову назваться Маргаритой, чтобы заставить Прохора Кузьмича объясниться въ любви онъ ни за что не рѣшился бы на это. Проша такъ застѣнчивъ, что не узнай онъ, что я люблю его, онъ никогда не рѣшился бы сдѣлать мнѣ, какъ сейчасъ въ кабинетѣ, предложеніе.

Мих. Петр. (хлопая себя по лбу). Ахъ я ослятина!.. А я то было вообразилъ себѣ.

Прох. Кузьм. (подходя къ доктору и пожимая руку). Михаилъ Петровичъ повѣрьтѣ, мы никогда не забудемъ, чѣмъ обязаны вамъ и Вѣрѣ Михайловнѣ... Большое, большое спасибо.

Мих. Петр. Что же и я очень радъ, что все это такъ вышло. Поздравляю, отъ всей души поздравляю... (жметъ ему руку. Тотъ затѣмъ отходитъ къ невѣстѣ и оживленно болтаетъ съ ней).

Вѣра Мих. (подходя къ мужу и ласкаясь). Мишель, ты не сердишься на меня?

Мих. Петр. А ты не будешь больше вѣрить снамъ?

Вѣра Мих. (зажимая ему ротъ рукой). Злой!.. (нѣжно кладетъ ему голову на грудь). Знаешь, Мишель, я никогда не думала, чтобы это было такъ трудно измѣнить своему мужу!..

Занавѣсъ.

Нью-Іоркъ.

Поѣздъ все ближе и ближе приближается къ Нью-Іорку. Уже начинаютъ показываться первые признаки этого большого города. Четырехъ-колейный путь, съ непрерывно мчащимися пассажирскими поѣздами; отдѣльные домики тамъ и здѣсь и массы рекламъ гостинницъ по сторонамъ желѣзнодорожнаго пути. Отдѣльные домики смѣняются длинными зданіями для складовъ, показываются огромные заводы съ высокими, закопченными трубами и нашъ поѣздъ, оглашая воздухъ рѣзкимъ свисткомъ уже мчится черезъ дымный, кропотливый Нью Черзей. Наступаетъ темнота и только глухой стукъ колесъ нарушаетъ тишину, -- мы въ туннелѣ проходящемъ подъ

рѣкой Гудсонъ. Жутко думать, что огромная масса воды гдѣ то у насъ надъ головой. Но вотъ опять свѣтъ, и тишина изчезаетъ. Мы уже на другомъ берегу — въ самомъ Нью-Іоркѣ. Насъ встрѣчаетъ мрачный Пенсильванскій вокзалъ и поѣздъ останавливается.

Мое двухъ дневное путешествіе закончено. Наконецъ то! Съ помощью чернокожаго носильщика нанимаю такси и ѣду въ Mc Alpin отель. Такъ какъ этотъ отель — небоскребъ совсѣмъ близко отъ вокзала, то успѣваю только мелькомъ увидѣть часть Нью Іоркской улицы. Движеніе и шумъ оглушаютъ меня. Что то грохочетъ наверху улица запружена автомобилями, масса народу... не успѣваю какъ слѣдуетъ разглядѣть все, — я уже въ отелѣ; хорошенькая барышня мчитъ меня на лифтѣ въ какой — то двѣнадцатый или пятнадцатый этажъ. Красивая комната, зеркала, телефонъ. Ноги безшумно ступаютъ по мягкому ковру. Быстро моюсь и привожу себя въ порядокъ. О ужинѣ не хочу и думать, скорѣй бы на улицу, увидѣть знаменитую уличную жизнь Нью - Іорка. Уже вечеръ, когда выхожу на улицу и, сразу подхваченный теченіемъ толпы, охваченный суетой и шумомъ, я погружаюсь въ водоворотъ веселой вечерней жизни. Толпа выноситъ меня на Broadway и вотъ я въ царствѣ электричества. Вездѣ, на сколько можетъ хватить глазъ, электрическія рекламы и вывѣски. Всѣ онѣ вертятся, изчезаютъ, появляются снова, горятъ разновѣтными огнями и освѣщаютъ шумный Бродвей какъ днемъ. Великолѣпные магазины, съ освѣщенными витринами, кинематографы театры, рестораны. Вездѣ толпы красиво одѣтыхъ людей, вездѣ музыка, вездѣ смѣхъ. Смѣхъ не только преобладаетъ въ Нью Іоркѣ , — онъ наполняетъ всю Америку. Американцы веселые, полные жизни, „full of pep“, какъ говорятъ они. Они мало занимаются философскими вопросами и не ищутъ смысла жизни, а берутъ ее, какъ она есть, живутъ ради ея и наполняютъ ее кипучей дѣятельностью и весельемъ. Смѣйся говорятъ американцы и весь свѣтъ будетъ смѣятся съ тобой.

Весь этотъ шумъ и движеніе и всѣ эти огромные небоскребы, какъ то удручающе дѣйствуютъ на меня. Чувствую себя совершенно затерянным въ этомъ водоворотѣ жизни и кажется, какъ будто всѣ эти огромныя зданія сойдутся и раздавятъ меня. Все кажется какой то фантастической жизнью, какой то футуристической картиной.

Захожу въ ресторанъ, и зная, что Нью-Іоркъ „сухой“, скромно заказываю бутылку, такъ называемого „сухого пива“. Черезъ ресторанъ, направлясь къ выходу, продвигается молодой американецъ, выдѣлывая ногами сложные па. Нѣтъ сомнѣнія - пьянъ въ дребезги. Дѣлаюсь смѣлѣе и съ таинственнымъ видомъ шепчу на ухо оффиціанту, что, какъ иностранецъ, очень желалъ бы выпить рюмки „whisky“ на память о „сухомъ“ Нью - Іоркѣ. Моя просьба исполняется, хотя со всѣми предосторожностями, и я съ пріятнымъ ощущеніемъ выхожу изъ ресторана. Опять свѣтящіяся рекламы, шумъ,

сутолока... Наконецъ, усталость послѣ двухъ дневнаго путешествія даетъ себя чувствовать и я направляюсь въ отель. Долго не могу заснуть, прислушиваясь къ звукамъ движенія на улицахъ, которая продолжаетъ шумѣть всю ночь. Благодаря огромному движенію пассажирскихъ автомобилей въ центрѣ города, днемъ грузовымъ автомобилямъ ѣздить почти невозможно, за то послѣ полуночи, цѣлыя вереницы этихъ автомобилей тянутся по улицамъ, развозя грузъ по мѣстамъ назначенія.

Лежа и прислушиваясь къ шуму я былъ очень удивленъ грохотомъ повторявшимся черезъ правильные промежутки времени. Отъ этого грохота дрожало все зданіе. Послѣ я узналъ, что этотъ грохотъ исходилъ отъ воздушной желѣзной дороги, которя проходила надъ улицей, на которой находился отель. Въ Нью-Іоркѣ есть три пассажирскихъ линіи. Одна подъ улицей (subway), другая на улицѣ (street car line) и третья надъ улицей (elevated railway). Можно вообразить весь уличный грохотъ съ этими тремя линіями, съ непрекращающимся движеніемъ, а вдобавокъ гудки автобусовъ и автомобилей.

На слѣдующее утро Нью-Іоркъ произвелъ на меня болѣе свѣтлое впечатлѣніе. Синее небо (кусокъ котораго можно было видѣть среди небоскребовъ) яркое солнце, прохладный вѣтерокъ, все это какъ то скрашивало нѣмыя громадины города. По воздушной дорогѣ поѣхалъ на Батарейную Пристань съ цѣлью посмотрѣть Статую Свободы. Ѣхать пришлось черезъ бѣдные кварталы. Дома тѣсно построены другъ около друга, большей частью въ нѣсколько этажей. Вездѣ отпечатокъ нечистоты и бѣдности, улицы грязныя, а люди, въ большинствѣ иностранцы, неряшливо одѣты. Поражаетъ контрастъ этой бѣдности съ великолѣпіемъ центра. Кстати, насчетъ иностранцевъ. Я всегда слышалъ что, Нью-Іоркъ иностранный городъ но ни когда не предполагалъ что ихъ такъ много. Куда ни пойдешь, вездѣ слышится иностранная рѣчь. Въ то время какъ въ городахъ Юга-Америки, гдѣ мнѣ приходилось бывать, на иностранцевъ смотрятъ какъ на рѣдкость. Особенно много здѣсь евреевъ, которые занимаютъ высшія мѣста въ торговыхъ и финансовыхъ кругахъ Есть много ирландцевъ и итальянцевъ. Послѣднихъ американцы очень не долюбливаютъ.

Статуя Свободы находится на маленькомъ островкѣ, не далеко отъ входа въ портъ. Такъ какъ она въ серединѣ пустая, это даетъ возможность по винтовой лѣстницѣ взобраться въ самый лобъ статуи, гдѣ сдѣлана площадка. Черезъ люки устроенные въ вѣнкѣ статуи, можно любоваться красивымъ видомъ открывающимся на New Jersey, портъ и Manhattan.

Подѣзжая къ Статуѣ Свободы съ толпой туристовъ на маленькомъ пароходикѣ, на который я сѣлъ у Батарейной пристани, я имѣлъ возможность увидѣть такъ называемый „профиль" Нью Іорка, т. е., всю линію небоскребовъ, которая тянется вдоль берега Манхатана. Этотъ величественный строй молчаливыхъ гигантовъ,

возвышающихся надъ всѣмъ Нью-Іоркомъ, произвелъ на меня огромное впечатлѣніе. Какіе великолѣпные памятники человѣческаго ума и энергіи. Они какъ бы олицетворяютъ геній нашего механическаго вѣка и предсказываютъ величіе будущей цивилизаціи. Издали, мнѣ казалось, что эти великаны - пусты и-какъ египетскія пирамиды молчаливо стоятъ и свидѣтелствуютъ о славѣ какой то изчезнувшей великой цивилизаціи. Подниматься по винтовой лѣстницѣ внутри Статуи Свободы было не особенно пріятно, вдобавокъ одна американка впереди меня выбилась изъ силъ на полъ пути и такъ какъ проходъ былъ слишкомъ узокъ, чтобы разойтись, мнѣ пришлось подталкивать эту злополучную даму до самаго верха. На верху, между прочимъ, эта дама сообщила мнѣ очень интересную вещь объ этой статуѣ. А именно, что она давно уже отвернулась съ негодованіемъ отъ Америки, въ слѣдствіи ея лицемѣрія по отношенію къ свободѣ... И дѣйствительно статуя стоитъ спиной къ Америкѣ, а лицомъ къ океану.

Большое удовольствіе я получилъ, посѣтивъ самое высокое зданіе въ мірѣ „Woolworth Building". Заплативъ 50 центовъ, я поднялся на лифтѣ на самую верхушку зданія, оттуда могъ наконецъ увидѣть всю панораму Нью-Іорка. И было на что посмотрѣть. Тамъ гдѣ находится Brooklyn, безчисленныя крыши домовъ изчезали въ дымкѣ горизонта, по правую сторону портъ съ его многочисленными пароходами, а по ту сторону рѣки дымный New Jersey съ его фабричными трубами. И надъ всѣмъ этимъ гулъ огромнаго города, прерываемый гудками локомотивовъ и пароходовъ. Взглянулъ внизъ и удивился, какими маленькими казались люди и автомобили, копошившіеся, какъ муравьи внизу, и само зданіе на крышѣ котораго я стоялъ, казалось мнѣ съ его шестнацатью тысячнымъ населеніемъ огромнымъ муравейникомъ.

Я очень жалѣлъ, что во время моего пребыванія въ Нью Іоркѣ, я ни разу не встрѣтилъ русскихъ, такъ хотѣлось бы знать, какъ живетъ русская колонія, затерявшаяся въ этомъ большомъ, дѣловомъ городѣ. Во всякомъ случаѣ не завидую тѣмъ, кто вынужденъ тамъ жить постоянно. Слишкомъ много шума, движенія, суетолоки, слишкомъ мало воздуха и простора. Еще больше затоскуешь по просторамъ Россіи, еще больше потонешь въ мелочахъ житейскихъ.

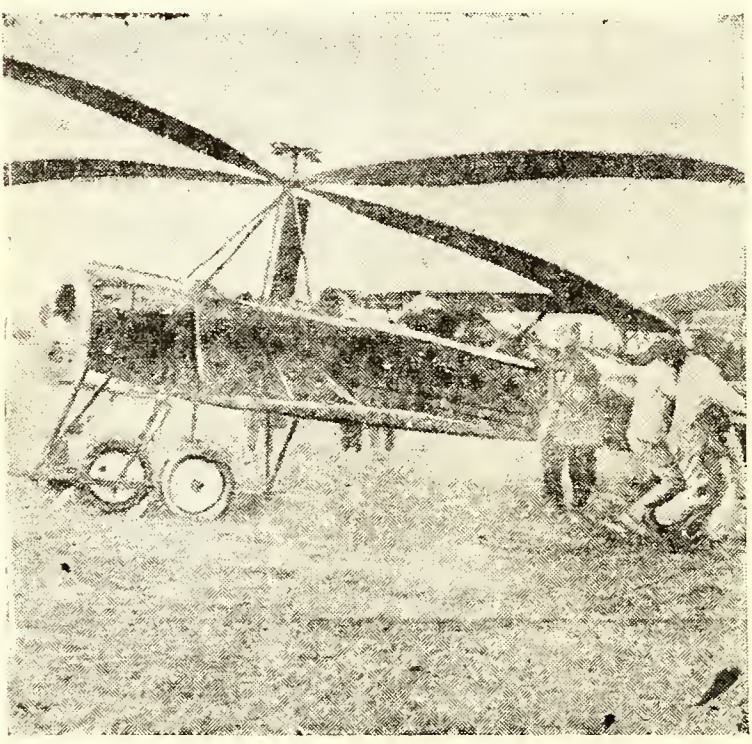
Когда на пароходѣ уходившемъ изъ Нью-Іорка, я долго слѣдилъ за медленно удаляющимися небоскребами, вспоминая съ удовольствіемъ мое пребываніе въ немъ и мысленно задавалъ себѣ вопросъ - когда я буду опять здѣсь? Навѣстить его я бы хотѣлъ но жить постоянно - нѣтъ.

Евгеній Ларіоновъ.

Геликоптеръ.

17 сентября 1928 годъ въ исторіи воздухоплаванія открылась новая эра: въ этотъ день испанскій изобрѣтатель инженеръ Ла Сіерва впервые поднялся на воздухъ на геликоптерѣ или, какъ онъ самъ называетъ свой летательный аппаратъ - „авто - жиро", и мало того что поднялся, но даже совершилъ перелетъ изъ Сутгамптона въ Лондонъ, и оттуда въ Парижъ, гдѣ, къ сожалѣнію, при неудачномъ спускѣ испортилъ свой аппаратъ.

Однако уже 3 октября на исправленной машинѣ онъ вновь дѣлаетъ перелетъ изъ Парижа въ Брюссель и 5 октября перелетаетъ изъ Брюсселя въ Кельнъ, при чемъ предварительно показываетъ свой опытный полетъ въ Брюсселѣ передъ Герцогомъ и Герцогиней Брабантскими. Что - же особенное заключается въ этомъ летательномъ аппаратѣ „авто - жиро" и почему газеты всего міра такъ восторженно привѣтствуютъ первые полеты смѣлаго летчика, рѣшившагося вѣрить свою жизнь еще мало изслѣдованному летательному снаряду? А дѣло заключается вотъ въ чемъ: существующіе нынѣ летательные аппараты



управляемые воздушные шары, такъ называемые „цеппелины" и аэропланы - монопланы и бипланы, и смотря на свое кажущееся совершенство, все же слишкомъ отъ него далеки, такъ какъ цеппелины весьма громоздки и малоподвижны и неудобны въ обращеніи, а аэропланы хотя и болѣе подвижны, но требуютъ для взлета сравнительно большой площади для предварительнаго разбѣга и точно такъ же при посадкѣ на землю должны имѣть достаточно свободнаго мѣста.

Геликоптеръ же лишенъ этихъ недостатковъ. Онъ можетъ подниматься

съ мѣста совершенно вертикально, можетъ останавливаться въ воздухѣ - держаться на опредѣленной высотѣ и такимъ же порядкомъ, и при томъ съ весьма большою точностью, способенъ спустится на заранѣе намѣченномъ пунктѣ, напримѣръ на улицѣ города и даже на плоской крышѣ дома, чего не могутъ сдѣлать аппараты первыхъ двухъ типовъ.

Сущность геликоптера заключается въ томъ, что вмѣсто крыльевъ аэроплана, поддерживающихъ его въ воздухѣ, онъ имѣетъ вертикально поставленный пропеллеръ, съ большою поверхностью своихъ перьевъ, который будучи приведенъ въ дѣйствіе моторомъ соотвѣтствующей силы, поднимаетъ на воздухъ всю систему аппарата. Для горизонтальнаго движенія существуетъ горизонтальный пропеллеръ, какъ у обыкновенныхъ аэроплановъ. На рисункѣ аппарата инженера Ла Сіерва видна только кабина и вертикальный винтъ, все пока еще очень несовершенное и если можно такъ выразиться „любительское". Можно удивляться, что на такомъ еще несовершенномъ аппаратѣ этотъ смѣлый человѣкъ могъ совершить такіе полеты.

Идея геликоптера — идея старая. Еще знаменитый романистъ Жюль Верн въ своемъ романѣ „На воздушномъ кораблѣ" представилъ идеальное воздушное судно, имѣвшее массу маленькихъ вертикальныхъ пропеллеровъ, которые и держали его въ воздухѣ на надлежащей высотѣ. Изобрѣтатели обоихъ полушарій, съ тѣхъ поръ какъ завялись разрѣшеніемъ вопроса постройки воздушныхъ аппаратовъ всячески старались примѣнить идею вертикальныхъ пропеллеровъ къ поднятію воздушныхъ судовъ, но до настоящего времени попытки оныхъ имѣли успѣхъ только въ опытныхъ лабалаторіяхъ, такъ какъ неудача, по всей вѣроятности, происходила отъ неимѣнія достаточно легкаго мотора — во первыхъ и во вторыхъ — видимо не были найдены подходящіе размѣры пропеллера — геликоптера.

Прототипомъ геликоптера является всѣмъ извѣстная игрушка — летающая бумажная бабочка, въ которой двигателемъ служитъ скрученная резина а подъемнымъ пропеллеромъ ея усики, сдѣланные въ видѣ всѣмъ извѣстнаго двигательнаго винта аэроплана.

Въ природѣ геликоптеры встрѣчаются въ растительномъ и животномъ мірѣ; смѣлыя сѣмена ясеня, клена и нѣкоторыхъ другихъ растеній представляютъ изъ себя маленькіе пропеллеры геликоптеры и во время спусканія ихъ съ дерева можно наблюдать, какъ онѣ плавно спускаясь не задѣнутъ ни за одинъ встрѣчающійся имъ на пути выступъ стѣны или сукъ дерева.

Среди насѣкомыхъ, обладающихъ крыльями — пропеллерами извѣстны нѣкоторые виды комаровъ при полетѣ какъ — бы, неподвижно стоящихъ въ воздухѣ на одномъ и томъ — же мѣстѣ.

Интересъ, заключающійся въ достиженіи возможности вертикальнаго полета, необычайно великъ во всѣхъ областяхъ жизни. Прежде всего геликоптеръ можетъ какъ уже сказано, подниматся съ опредѣленнаго, очень ограниченнаго мѣста и поднявшись на извѣстную высоту, держаться на ней и точно опуститься на то или другое мѣсто, имѣетъ несомнѣнно громадное преимущество передъ аэропланомъ, лишеннымъ этихъ качествъ.

Возможность находиться надъ опредѣленнымъ пунктомъ земли или моря въ теченіи нѣкотораго времени имѣетъ особо важное значеніе въ военномъ дѣлѣ въ смыслѣ сбрасыванія взрывчатыхъ веществъ надъ имѣющими стратегическое значеніе зданіями и кораблями противника, благодаря чему можно съ очень большою точностью, даже безъ промаха, дѣлать метаніе бомбъ надъ данною цѣлью и тѣмъ причинять значительный вредъ врагу.

Геликоптеры въ будущемъ, несомнѣнно займутъ роль автомобилей и явятся очень удобнымъ способомъ сообщенія не только между далеко отстоящими между собою городами, но можно думать, что замѣнятъ собою и уличное движеніе большихъ городовъ, сдѣлавъ разгрузку его на воздухъ и тѣмъ освободивъ улицы для пѣшеходнаго движенія, что нынче въ большихъ городахъ представляетъ громадное неудобство для всѣхъ, не желающихъ пользоватся механическимъ способомъ сообщенія или передвигающихся на короткое разсто_

яніе. Въ смыслѣ безопасности движенія геликоптеры также имѣютъ всѣ преимущества передъ аэропланами, такъ какъ могутъ летѣть на сравнительно небольшой высотѣ и при остановкѣ или порчѣ мотора ихъ вертикальный пропеллеръ явится прекраснымъ парашютомъ.

Трудно, конечно, всѣ предвидѣть возможности въ связи съ изобрѣтеніемъ новаго вида летательнаго аппарата, но можно только сказать, что разъ уже онъ изобрѣтенъ и на немъ летаютъ, то усовершенствованіе его послѣдуетъ въ самомъ ближайшемъ будущемъ, какъ это можно судить изъ прошедшаго опыта авіаціи, когда братья Райтъ въ С. Ш. впервые въ 1908 г. пролетѣли на своемъ крайнѣ несовершенномъ „Райти" разстояніе не болѣе километра, а уже въ 1909 году Блеріо на своемъ монопланѣ безстрашно перелетаетъ проливъ Ламаншъ между Франціей и Англіей и тѣмъ прочно устанавливаетъ начало летаній людей на аппаратахъ тяжелѣе воздуха — аэропланахъ и такимъ образомъ человѣческій геній дѣлаетъ чрезвычайное завоеваніе воздушной стихіи.

Завоеваніе воздуха, однако обошлось человѣку не даромъ. Въ газетахъ того времени можно было почти ежедневно читать о гибели летчиковъ, пускавшихся въ опасные полеты на несовершенныхъ машинахъ. И теперь воздушныя катастрофы явленіе не рѣдкое, но будемъ надѣятся, что новый аппаратъ — геликоптеръ, не унесетъ съ собою то количество жертвъ, какое было при появленіи аэроплановъ.

Успѣху развитія аэроплановъ и цепелиновъ въ сильной степени помогли войны — Греко — Болгаро — Турецкая въ 1912 г. и особенно Великая Война 1914 — 1918 г. г., когда съ человѣческими жертвами не считались и многими тысячами аэропланы строились во всѣхъ воюющихъ государствахъ причемъ каждое старалось выработать наиболѣе совершенный типъ летательнаго аппарата.

Благодаря такому положенію дѣлъ были достигнуты замѣчательные результаты въ смыслѣ изготовленія воздушныхъ машинъ и ихъ частей - какъ то моторовъ, пропеллеровъ, кабинъ и т. п. Жизнь ждала только изобрѣтателя который бы сумѣлъ всѣ эти разработанныя детали сконструировать такъ, чтобы получился давно извѣстной въ идеѣ типъ летательной машины — носившей уже съ давнихъ поръ названіе — геликоптера. И вотъ Испанія, въ лицѣ своего отнынѣ знаменитаго инженера Ла Сіерва дала міру такого изобрѣтателя и теперь намъ остается только слѣдить за дальнѣйшими опытами и успѣхами въ дѣлѣ развитія геликоптеровъ. На первыхъ порахъ будетъ встрѣчено еще много затрудненій и неудачъ, будутъ, конечно, и жертвы, но человѣчество передъ этимъ не остановится. И думается, недалекъ тотъ день, когда въ буквальномъ смыслѣ исполнится пророческое предсказаніе Жюля Верна, что „будущность принадлежитъ воздухоплавательнымъ аппаратамъ тяжелѣе воздуха" т. е. говоря иначе — воздушные шары и „цеппелины" разнаго типа будутъ побѣждены аэропланами и геликоптерами. Въ заключеніе остается только пожелать всякаго успѣха всѣмъ стремящимся завоевать воздушную стихію, упростить летательные аппараты и сдѣлать ихъ совершенно безопаснымъ для передвиженія.

К. Т.

Виды Колоніи БАЛИЗЫ

Участокъ колониста Гаевскаго.
Видъ на поле, подготовленное для посѣвовъ. Сзади, еще не вырубленный строевой лѣсъ.

Участокъ въ 100 алкейровъ приготовленный для посѣва.
На протяженіи многихъ километровъ, во всѣ стороны „Колонія Бализа" представляетъ совершенно плоскую равнину.

Вниманіе Кто изъ Васъ желаетъ обезпечить свою семью и что нибудь имѣть въ будущемъ. Спѣшите устроиться на кофейныхъ плантаціяхъ. Превосходныя условія. Хорошій заработокъ. Контракты выдаются при отправленіи изъ Санъ - Пауло. Обращаться по адресу конторы „Коммерсіантъ".

Largo de Thesouro N. 1. (antigo 5) Sobrado 3 andar, Sala 34 Nicolau Fiorante.

Дома и участки въ разсрочку.

Мѣсто съ большой будущностью. Трамвай и автобусъ рядомъ. Можно имѣть близко работу. Строимъ дома дешево и въ разсрочку. Принимаемъ хорошихъ агентовъ.

За справками: **Praça da Sé 3. — 4o andar e Rua Domingos de Moraes 289** (Агенство).

Д-р П. А. Бѣликъ

Изъ Кіева.

Акушерство, Хирургія, Женскія болѣзни. Пріемъ отъ 10-12 ч. дня.

Praça da Sé 34,

2 a. Salas 210-212-214. Tel. 2-2349.

РУССКІЙ ЧАСОВЫХЪ ДѢЛЪ МАСТЕРЪ.

Принимаетъ въ починку всевозможные часы, хронометры, репетиторы, часики изъ платинѣ до наименьшаго размѣра. Починка съ ручательствомъ. Продаются всевозможные стѣнные и карманные часы „Омега" отъ 65$000. Будильники разныхъ марокъ отъ 14$000. Покупаю старое серебро, золото и брильянты.

Casa Viena Av. São Jaão 106-A

Зубной врачъ

ЕЛЕНА КУШЕЛЕВСКАЯ.

говорятъ по русски, нѣмецки, бразильски и эстонски.

Пріемъ отъ 12—21 вечера.

Rua Aurora 94.

S. Paulo.

Открыта подписка на

„Русская Газета". На 1 годъ 12$000, на 3 мѣсяца 3$000 съ доставкой и пересылкой.

„Нашъ Міръ" Періодическое литературно-научное изданіе. на 3 выпуска 3$000 съ доставкой и пересылкой.

ЗА ГРАНИЦУ ВДВОЕ.

Редакторъ С. К. Успенскій. Издатель Н. Т. Даховъ.